

УДК 811.112.2:398

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ

Прутчикова В.В.

Национальная металлургическая академия Украины

Исследованы процессы актуализации немецких паремий в дискурсе в деятельностном аспекте. Описан механизм декодирования релевантных связей паремии с дискурсом на уровне их общих прагматических целей. Осуществлен анализ актуализации вторичных прагматических значений паремий в дискурсе в составе комплексного речевого акта или речевого блока. Описаны варианты реализации прагматической полифункциональности паремии в дискурсе в виде различных прагматических коннотаций. Определено участие паремии в формировании дискурсивной интенции.

Ключевые слова: паремия, дискурс, прагматическая коннотация, интенция, речевой акт, речевое воздействие.

Постановка проблемы. Ориентация современной лингвистики на дискурсивно-коммуникативную природу языковых единиц отражает осмысление языка как продукта и инструмента человеческой деятельности [1; 3; 12; 13]. При этом ведущим является антропоцентрический принцип, который связан с исследованием широкого круга языковых явлений, отраженных в сознании говорящего или отражающих присутствие говорящего в акте речи. Такой вектор исследований отличается динамическим подходом к языку, при котором приоритетными объектами исследований становятся функциональные аспекты языка [4; 7; 13].

Переориентация лингвистических исследований на использование языка как вида деятельности дает возможность ответить на некоторые вопросы паремиологии, в частности касающиеся функционирования паремий в дискурсе. Актуальность таких исследований определяется также становлением когнитивно-дискурсивной паремиологии. Существующие наработки в сфере прагматики, дискурсологии и когнитологии позволяют проанализировать актуализацию паремий в дискурсе в деятельностном аспекте с учетом их участия в формировании дискурсивных смыслов, интенций в зависимости от коммуникативной стратегии говорящего, его языковой и культурной компетенции.

Анализ последних исследований и публикаций. Дискурсивная парадигма, интегрирует в себя субпарадигмы, отвечающие за разные аспекты дискурса: когнитивный, прагматический, социолингвистический, этнокультурный и др. В частности, прагматический аспект исследуется в лингвистической парадигме в тесной связи со структурно-семантическим, поскольку «онтологически коммуникативный акт является синтезом, взаимодействием элементов семантики, синтаксиса и прагматики» [13, с. 21]. Кроме того, и прагматика, и семантика имеют дело со значением в широком смысле. Значения семантических единиц в общем контекстуально независимы, а прагматических – контекстуально зависимы, т.е. прагматика и семантика представляют собой некое функциональное единство, в котором первая выступает как «практическая семантика», а вторая относится к речевой деятельности, образуя знаковые аналогии мира, и служит осуществлению речевых актов [4, с. 722].

Перенос акцентов «с формальной структуры языка на структурно-семантическую организацию языковых единиц в социальной интеракции» [12] выдвигает на передний план исследований область отношений знаков и их пользователей, сферу выражения дискурсивно-прагматических значений, которые сопровождают когнитивный смысл слов, высказываний, текстов, использова-

ние языка в определенных ситуациях общения, альтернативных средств выражения пропозициональных установок.

Одним из таких альтернативных средств, функционирующих в различных дискурсивных практиках, являются паремии, которые обладают широким спектром выражаемых смыслов, реализация которых обусловлена их исходной внутренней формой, а также отражают стереотипные ситуации и являются, по сути, типизированными речевыми действиями.

Структура и семантика паремий обеспечивают высокие дискурсивно-прагматические потенции этих единиц, что находит убедительное подтверждение в целом ряде исследований в отечественной и зарубежной лингвистике [см. обзор: 17]. Вместе с тем, паремии еще не получили должного освещения в этом плане и, как отмечает Г.Д. Сидоркина [8, с. 11], невзирая на то, что фразеология исследовалась «вдоль и поперек» (В.Н. Телия) – со стороны семантики, этимологии, синтаксиса, степени мотивированности и т. д., остается обширная лакуна в области прагматики относящихся сюда единиц, связанных с вопросами их воздействия на поведенческо-ментальные стереотипы носителей языка. Некоторые формы фразеологизмов (а именно, паремии пословично-поговорочного типа) являются кристаллизованными реализациями именно речевых действий вроде предостережения, поощрения, подбадривания и т. п. Паремии представляют в некотором смысле почти идеальный объект для выявления арсенала особо востребуемых в коммуникации речевых действий, вследствие чего они и приобрели стандартизованное языковое выражение.

Целью и задачей данного исследования является изучение процессов актуализации немецких паремий в дискурсе в деятельностном аспекте. В частности анализ их дискурсивно-прагмасемантического потенциала как речевых действий, а также механизма формирования и декодирования релевантных связей паремии с дискурсом.

Изложение основного материала. Известно, что паремии имманентно обладают «сиюминутной готовностью быть применимыми к множеству случаев», что свидетельствует об их обширном дискурсивно-прагмасемантическом потенциале как «готовых высказываний» [6, с. 312]. Он (потенциал) получает свою реализацию в дискурсе, в речевой деятельности, которая является «связанной, с одной стороны, с системой языка/речи (через знак и его содержание), а с другой, – с системой социального взаимодействия через субъекты речевой деятельности адресанта и адресата (коммуниканты_{1,2})» [13, с. 22].

Характеризуя особенности паремий, следует иметь в виду два момента: во-первых, их можно рассматривать как *виртуальные* единицы языкового и речевого фонда с инвариантным языковым значением, отличающиеся своей коммуникативной автосемантией и исторически сложившимся прагматико-коммуникативным потенциалом, во-вторых, – как *актуализированные* речевые формации в дискурсивных практиках.

Говоря о паремии как о внеконтекстуальной речевой формации, следует отметить, что она хранится в «фонде знаний» коммуникантов и словарном фонде как высказывание, которое

кроме своего собственного (буквального) значения, вытекающего из содержания высказывания, имеет некий дополнительный смысл, сформированный благодаря взаимодействию целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. В лингвистической практике [15; 16; 17, с. 41] такие высказывания принято считать многозначными (*mehrdeutige Äußerungen*), поскольку их «успешное участие» в интеракции предполагает восприятие и понимание адресатом не только буквального значения (*literal meaning*), но и переносного либо образного (*figurative meaning*). В качестве речевого действия паремии следует квалифицировать как «несобственное» говорение», которое благодаря декодированию имплицативной пропозиции сопровождается диссоциацией на пропозициональном уровне и реализуется в дискурсе подобно актам намека, иронии и т.п., как несобственно прямой речевой акт [11, с. 142].

Паремийные высказывания отличаются от собственно прямых речевых актов тем, что в них адресант благодаря имплицативной пропозиции дает адресату знать, что-то, не говоря об этом прямо. Они способны производить эффект, не вытекающий непосредственно из семантики высказывания, то есть он не соответствует прямому значению высказывания, а обуславливается фоновыми знаниями (пресуппозицией) говорящего, условиями общения [5; 6].

Иллокутивная направленность паремий сформирована на основе взаимодействия двух планов его пропозиционального содержания (буквальной и импликационной пропозиций). Пропозициональное содержание декодируется из буквального значения паремии, импликационно-пропозициональное – в результате соотнесения буквального и переносного (образного) значений благодаря ассоциативно-логическим способностям человеческого мышления. Процессы восприятия и «расшифровки» двуязычного значения паремий описаны в литературе [17] с помощью так называемой многоступенчатой модели понимания (*multistage model of understanding*). Эта модель включает, по крайней мере, три (или 3+n) этапа декодирования паремии: 1) восприятие и расшифровка буквального значения паремии; 2) сопоставление буквального значения паремии с констатирующими составляющими (темой конкретной ситуации, фоновыми знаниями и т.п.) и попытка осуществить их тематическую и прагматическую привязку схематически (*mapping process*); 3) конструирование нового значения (переносного) и новой схематической соотнесенности паремии с контекстом [19, с. 43]. Процесс схематизации значения паремии (*mapping process*) рассматривается в качестве фундаментального для ее понимания и, по сути, представляет собой серию ментальных процессов. Рассмотрим пример включения паремии в дискурс:

„Mann!“ *brauste der Hauptwachtmeister auf. “Mach mir nichts vor, ich weiß doch Bescheid! Habt ihr noch was, oder habt ihr schon wieder alles leergesoffen?”*

“Nur einen Magenbitter gegen mein Sodbrennen.”
“Scheiße!” *stieß der Hauptwacht hervor. “Den kann ich dem nicht einmal in den Kaffee schütten. Aber*

bring ihn her, in der Not frißt der Teufel Fliegen» [Konsalik, Das Gift der alten Heimat, 67].

Как видим, осложняющим фактором для соотношения дискурса и паремии является несоответствие буквальных значений паремии и темы (topic) дискурса (лексическая диссоциация) и отсутствие поверхностной манифестации соотношения дискурса и паремии на уровне ее переносного значения. Декодирование релевантных связей паремии с дискурсом осуществляется на уровне их общих прагматических целей (pragmatic point) в опоре на модель многоступенчатого понимания. При этом предполагается знание основных принципов кооперации Х.П. Грайса, в частности той из максим, в которой говорится, что говорящий в условиях коммуникации должен передавать слушающему правдивую, релевантную информацию. Если этот принцип не соблюдается, то слушающий пытается понять тот замысел, то значение (speaker meaning), которое говорящий выразил несколько неординарным способом [16, с. 625].

В нашем случае, определив отсутствие манифестируемой корреляции дискурса и паремии на уровне буквального и переносного (образного) значения, актуализация паремии осуществляется на дискурсивно-прагматическом уровне в опоре на ее иллюкутивные потенции. В приведенном примере паремия выступает одной из составляющих комплексного речевого акта (КлРА), по терминологии В.И. Карабана [2, с. 54], который может быть квалифицирован как *обосновываемая просьба*. Первая часть КлРА является директивом (реквестивом), выражающим просьбу, а паремия осуществляет обоснование этой просьбы. Просьба, обоснованная ссылкой на «народную мудрость», генерируется соединением функций двух речевых актов (РА-функций) директива и констатива, находящихся в субординативной прагматической связи. Директив выполняет главную РА-функцию (→), а констатив (паремия) – подчиненную (←). Такое обоснование просьбы осуществляется на фоне *морально-нормативной оценки и предписания социальной нормы*, что способствует склонению адресата к выполнению просьбы, несмотря на негативный подтекст ситуации, поскольку, с одной стороны, она (просьба) диктуется условиями текущего момента, а с другой, – согласуется с нормами социального поведения. В данном случае реализуется прагматический потенциал пословицы: констатив, конкретизированный прагматической коннотацией самооправдания (см. список наиболее востребованных речевых действий и прагматических коннотаций, выполняемых паремиями [8, с. 15]). При других обстоятельствах говорящий не согласился бы пить дешевую горькую настойку, но в данной ситуации он отступает от правил, находя себе оправдание в пословице – *На безрыбье и рак рыба* (в немецком варианте: *В нужде и черт мух ест*). Мотивом использования паремии послужило желание говорящего манипулировать сознанием адресата с целью «сохранить свое лицо».

В приведенном примере паремия, выступая в качестве подчиненного РА в КлРА, реализует наряду со своим основным значением – констатацией (сообщение относительно положения дел) сопутствующее прагматическое значение – са-

мооправдание, и, тем самым, способствует формированию интенции данного дискурсивного блока. Как отмечает Е.Н. Старикова [9, с. 67], вторичные прагматические значения (согласие, несогласие, отказ, желание, ирония, отрицание, упрек, намек, удивление, возмущение и т.п.) совмещаются с основными, сопровождают их и присутствуют практически в каждом речевом действии, а нередко при определенных обстоятельствах они могут приобретать доминирующий статус. В.Н. Бондарко [1, с. 9] называет такого рода значения *речевым смыслом* (курсив наш. – В.П.), образуемым как отношение, которое соединяет семантический и прагматический компоненты высказывания.

Следовательно, констатив, кроме сообщения, может приобретать функции обоснования, довода, аргументации. Квеситив может также сигнализировать предупреждение, поучение, предостережение, напоминание, урезонивание, приглашение, мольбу и т.п. Директивы (приказ, совет, предложение, просьба, призыв и т.п.) могут усложняться такими значениями, как предупреждение, наставление, поучение, предостережение, напоминание, урезонивание, пожелание, утешение, заявление, угроза и т. п. [9].

Как показывает наш пример, на уровне дискурса такие речевые смыслы в синергии с прагматическими значениями формируют дискурсивно-когнитивные смыслы. В паремии актуализируется прагматическая коннотация самооправдания, поскольку интенция говорящего направлена не столько на удовлетворение информационных потребностей слушающего, как в случае с обычным констативом, сколько на актуализацию пресуппозиций говорящего относительно используемой паремии (высказывание, предписывающее норму). Т.М. Николаева [5, с. 157], характеризуя такого рода высказывания, отмечала, что у них «коммуникативная установка, то, ради чего делается сообщение, маскируется под пресуппозицию, под общественный фонд представлений, тогда как формально утверждаемая часть иллюкутивно облегчается и содержательно упрощена». Кроме того, РА-директив, как правило, требует конкретизации причины или мотива выполнения действия адресатом. Поэтому происходит актуализация дополнительного речевого смысла паремии, за счет ее *имманентной* (курсив наш – В.П.) прагматической полифункциональности [8, с. 13], под которой понимается способность к реализации нескольких стандартных речевых действий.

Анализируемая выше паремия *In der Not frißt der Teufel Fliegen*, включаясь в дискурс, в зависимости от топологии может выступать либо в составе КлРА, либо соотноситься с речевым блоком, коррелируя с одним из его речевых актов, и актуализировать различные прагматические коннотации. Приведем ряд примеров:

"Es ist nicht gerade einfach, das Haushaltsdefizit in einer Zeit zu verringern, da die Militärausgaben im Irak sehr hoch sind und Hurrikan Katrina die Regierung zu einem an Keynes orientierten Wiederaufbauprogramm gezwungen hat, das mit erhöhten öffentlichen Ausgaben einhergeht. Doch in der Not frißt der Teufel Fliegen. Es muß geschafft werden. (Frankfurter Allgemeine, 07/ 11/ 2005;

Haushaltsdefizit verringern) – Бюджетный дефицит необходимо сократить. – **Аргументированный директив.**

In der Not frisst der Teufel Fliegen. In der Not werden auch die Sozialdemokraten die Teilprivatisierung machen. (Burgenländische Volkszeitung 12/ 11/ 2008, S. 11; «Mister Therme geht») – В сложной ситуации даже социал-демократы занимаются частичной приватизацией. – **Иронический констатив.**

*"Wir klammern uns an jeden Strohalm", erklärt Becher. Vergangene Woche zog er Martin Schmidt aus dem Ärmel. Der stand zuvor nicht einmal im Kader der Reserve. Becher: «Er nimmt spaßeshalber am Training teil und spielt dabei gar nicht mal schlecht. Aus beruflichen Gründen kann er jedoch normalerweise nicht am Spielbetrieb teilnehmen». Doch wie heißt es so schön: In der Not frisst der Teufel Fliegen. (Rhein-Zeitung, 28.02.1998, Becher: Wir klammern uns an jeden Strohalm) – Мы вынуждены хвататься за любую соломинку. – **Констатив-оправдание.***

In einer Notsituation tut man Dinge, die man sonst nicht tun würde; wenn man überhaupt nichts hat, begnügt man sich notgedrungen mit Dingen, die man sonst verschmäht, oder: wenn es überhaupt nicht anders geht, dann sollte man auch Unangenehmes oder Lästiges tun. Das umgangssprachliche «in der Not frisst der Teufel Fliegen» gehört zu einer Vielzahl von Sprichwörtern und Redensarten, die den Teufel in den Mittelpunkt stellen. Viele sind inzwischen sprachhistorisch detailliert zurückverfolgt und gedeutet worden. (Rhein-Zeitung, 24.03.2007, Nachgedacht Grafik, Beate Heinen). – В трудной ситуации делаешь то, что в ином случае никогда не сделал бы. – **Констатив-сожаление.**

Актуализированные в данных примерах дополнительные речевые смыслы, декодируемые благодаря пресуппозиции говорящего относительно паремии *In der Not frisst der Teufel Fliegen* и ее прагматической полифункциональности, способствуют формированию интенции речевых блоков и в дальнейшем когнитивно-дискурсивных смыслов. Как отмечает И.П. Сусов [10, с. 131], иллюкутивные силы, в которые встроена интенция говорящего, и которые соответствующим образом должны быть декодированы интерпрета-

тором, являются прагматической составляющей пропозиционального значения высказывания. Пропозициональное значение, в свою очередь, является переходным звеном к концептуальным и интенциональным системам.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Как известно, любая форма деятельности, в том числе и языковая, предопределяется взаимодействием участников данной деятельности, причем внешние факторы преломляются через их «внутренний мир». Следовательно, условия, задачи, мотивации и цели могут рассматриваться как детерминанты действий человека. Как показывает предпринятый анализ, стратегия использования паремий в дискурсе в значительной мере детерминирована социальными отношениями партнеров по коммуникации, т.к. именно социальные отношения предписывают формулировку сообщений. В «общественном фонде представлений» паремии закреплены как мнение социума, имеющее дидактический характер с инкорпорированной аксиологической оценкой. На этом фоне осуществляется их актуализация в конкретных дискурсивных условиях. Паремия используется там, где, по мнению адресанта, одно или несколько речевых действий не в состоянии в полной мере способствовать актуализации задуманной дискурсивной интенции и тем самым реализации определенного посткоммуникативного замысла. Благодаря включению паремии в дискурс и ее когнитивно-прагматической корреляции с отдельными речевыми актами, формирующими дискурсивную интенцию, она (паремия) выступает в синергии дискурсивного пространства и способствует актуализации когнитивно-дискурсивного смысла с усиленным посткоммуникативным эффектом.

В перспективе весьма актуальным представляется дальнейшее изучение дискурсивно-прагматического потенциала паремий с точки зрения их воздействия на поведенческо-ментальные стереотипы носителей языка в различных дискурсивных практиках. В русле когнитивно-дискурсивного подхода предметом дальнейших исследований может стать также описание паремий с точки зрения специфики их интердискурсивных функций, интенциональных установок, мотивов, целей, тактик и стратегий включения в дискурс.

Список литературы:

1. Бондарко А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений [Текст] / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания, 1992. – № 3. – С. 5-20. Карабан В.И. Сложные речевые акты [Текст] / В.И. Карабан. Прагматика английских асидентичных полипредикативных образований. – К.: Вища школа, 1989. – 131 с.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 144-238.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М.В. Никитин. – СПб.: Научн. центр проблем диалога, 1996. – 758 с.
4. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия [Текст] / Т.М. Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Изд-во АН СССР ИЯ. – 1988. – С. 154-166.
5. Николаева Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии [Текст] / Т.М. Николаева // Малые формы фольклора: Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова; под ред. Т.Н. Свешникова. – М.: Изд-во РАН «Восточная лит-ра», 1995. – С. 311-324.
6. Серль Дж.Р. Классификация иллюкутивных актов [Текст] / Дж.Р. Серль; пер. с англ. // Зарубежная лингвистика II. – М.: Прогресс, 1999. – С. 229-253 (Searle, John R. A classification of illocutionary acts // Language in Society. – London: Cambridge University Press, 1976. – Nr. 5. – Pp. 1-23).
7. Сидоркина Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия [Текст] / Г.Д. Сидоркина : Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19/ Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 53 с.

8. Старикова Е.Н. Проблемы семантического синтаксиса [Текст] / Е.Н. Старикова. – К.: Вища школа, 1985. – 124 с.
9. Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика [Текст] / И.П. Сусов // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1990. – С. 125-133.
10. Тютенко А.А. К проблеме лингвопрагматического анализа намека [Текст] / А.А. Тютенко // Вісник Харк. нац. ун-ту. – 1999. – № 435. – С. 139-142.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. – СПб: Наука, 2000. – 380 с.
12. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: Английское вопросительное предложение 16-20 вв. [Текст] / И.С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 167 с.
13. Heusinger S. Pragmalinguistik [Text] / S. Heusinger. – Frankfurt/M.: Haag und Herchen, 1995. – 162 s.
14. Heggelund K.T. Zur Bedeutung der deutschen Modalpartikeln in Gesprächen unter besonderer Berücksichtigung der Sprechakttheorie und der DaF-Perspektive [Elektronenressource] // Lingustik online. – Vol. 9. – No 2. – 2000. Regime des Zutritts: http://www.linguistik-online.de/9_01/Heggelund.html
15. Holtgraves T. Styles of Language Use: Individual and Variability in Conversational Indirectness [Text] / T. Holtgraves // Journal of Personality and Social Psychology. – Washington, 1997. – Vol. 73. – N. 3. – Pp. 624-637.
16. Honeck R.P. A proverb in mind: The cognitive science of proverbial wit and wisdom [Text] / R.P. Honeck. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997. – 217 p.
17. Mieder W. International Proverb Scholarship: An Updated Bibliography [Electronic resources] / W. Mieder // Proverbium. – Burlington: University of Vermont. – DE PROVERBIO: An Electronic Journal of International Proverb Studies. – Tasmania: University of Tasmania, 1994. – № 11. – Pp. 343-366; 1996. – № 13. – Pp. 421-445; 1997. – № 14. – Pp. 487-524; 1999. – № 16. – Pp. 467-517; 2000. – № 17. – Pp. 501-529; 2001. – № 18. – Pp. 431-458. Access to the resource, 10.02.2010. : \WWW/ URL: <http://info.utas.edu.au/docs/flonta/>
18. Temple J.G. Proverb Comprehension: The Primacy of Literal Meaning [Text] / J.G. Temple, R.P. Honeck // Journal of Psycholinguistic Research. – New York: Plenum Publishing Corporation, 1999. – Vol. 28. – No. 1. – P. 41-70.
19. Wagner K.R. Pragmatik der deutschen Sprache [Text] / K.R. Wagner. Frankfurt/M.: Lang, 2001. – 495 s.

Список иллюстрированных источников:

20. Heinz G. Kosalik, Das Gift der alten Heimat, Heyne Verlag, 1998. – 249 s.
21. Frankfurter Allgemeine, 07/ 11/ 2005. [Elektronenressource] / Regime des Zutritts: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort>
22. Burgenländische Volkszeitung 12/ 11/ 2008. [Elektronenressource] / Regime des Zutritts: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort>
23. Rhein-Zeitung, 28.02.1998. [Elektronenressource] / Regime des Zutritts: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort>
24. Rhein-Zeitung, 24.03.2007. [Elektronenressource] / Regime des Zutritts: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort>

Прутчикова В.В.

Національна металургійна академія України

ОСОБЛИВОСТІ РЕАЛІЗАЦІЇ ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧНОГО ПОТЕНЦІАЛУ НІМЕЦЬКИХ ПАРЕМІЙ

Анотація

Досліджено процеси актуалізації німецьких паремій в дискурсі у діяльнісному аспекті. Описано механізм декодування релевантних зв'язків паремії з дискурсом на рівні їх сумісних прагматичних цілей. Здійснено аналіз актуалізації вторинних прагматичних значень паремій в дискурсі у складі комплексного мовленнєвого акту або мовленнєвого блоку. Описано варіанти реалізації прагматичної поліфункціональності паремії в дискурсі у вигляді різних прагматичних конотацій. Визначено участь паремії у формуванні дискурсивної інтенції.

Ключові слова: паремія, дискурс, прагматична конотація, інтенція, мовленнєвий акт, мовленнєвий вплив.

Prutchykova V.V.

National Metallurgical Academy of Ukraine

REALISATION PECULIARITIES OF DISCOURSE-PRAGMATIC POTENTIAL OF GERMAN PROVERBS

Summary

The processes of the German proverbs actualization in discourse in the acting aspect have been investigated. The mechanism of decoding of the relevant proverb connections with discourse at the level of their general pragmatic aims has been described. The analysis of the secondary pragmatic meanings of proverbs actualization in discourse in the complex speech act or the speech block composition has been carried out. The variants of pragmatic multifunction of proverbs realization in discourse as different pragmatic connotations have been described. The role of proverb in discursive intention formation has been determined.

Keywords: proverb, discourse, pragmatic conotation, intention, speech act, speech influence.